

Новиков, В.Т. Глобализационный процесс и альтернативы социальной истории начала XXI в. как предмет философско-исторической рефлексии / В.Т. Новиков, Н.А. Кандричин, А.А. Легчилин // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15–16 апр. 2004 г. / Редкол.: В. Н. Сидорцов. (отв. ред.) и др. – Мн: БГУ, 2004. – С. 11–13.

В. Т. НОВИКОВ, Н. А. КАНДРИЧИН, А. А. ЛЕГЧИЛИН
Республика Беларусь, г. Минск

ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС И АЛЬТЕРНАТИВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ НАЧАЛА XXI в. КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

В настоящее время вновь стала актуальной проблема предметного самоопределения философии истории. В ней выбор между ориентацией на внутритеоретическую рефлексию (по терминологии А. Эйнштейна, «внутреннее совершенство» теории) и ориентацией на концептуальный анализ объективного исторического процесса («внешнее оправдание») акцентированно делается в пользу последней, напрямую затрагивающей жизненные интересы общества, а потому и более востребованной им.

Выдвижение на первый план субстанциональной философии истории, в которой проблемы состояния и перспектив мирового исторического процесса, реванша идеологии прогрессизма и модификации парадигмы европоцентризма являются приоритетными, неслучайно. Обсуждение этих проблем обусловлено потребностями в осмыслении ярко проявившейся на рубеже XX–XXI вв. тенденции глобализации мирового сообщества.

Определяющим вектором современного глобализационного развития общества избрана *унификация* социокультурных процессов, осуществляемая на основе *вестернизации* образа жизни. Именно *избрана*, учитывая огромные финансовые, материально-технические и организационные средства, направляемые на пропагандистско-агитационные мероприятия, призванные способствовать распространению западной, прежде всего американской, системы ценностей. Существенные увеличения в 2003 г. численности штатных сотрудников и бюджетных средств США на внешнеполитическую пропаганду свидетельствуют о серьезном внимании к идеологическому обеспечению стратегии вестернизации, придавая ей системно организованный и программно-целевой характер. Не случайно по аналогии с термином «вестернизация» стали говорить о «вестоксикации».

Насколько беспроblemен и перспективен этот путь глобализации, насколько радикальны характерные для него противоречия и альтернативы, главная из которых – «моноцентризм – полицентризм» – присутствует как на мировом, так и на региональных уровнях цивилизационной динамики?

На мегауровне междивизиационные отношения в принципе не поддаются унификации ни в оппозиции «Восток – Запад», ни в оппозиции «Север – Юг», ни в оппозиции «христианский мир – исламский мир» прежде всего по причине разных систем ценностей и идеалов, определяющих соответствующие уклады жизни, а сами названные цивилизационные образования оказываются весьма неоднородными и полицентричными. Так, с точки зрения материального благосостояния отдельные регионы, которые принято относить к «бедному Югу», находятся на уровне высокоразвитых стран Севера, и наоборот. Весьма неоднородными и внутренне противоречивыми оказываются цивилизационные структуры «исламского мира» (арабские страны, Иран, Индонезия) и «христианского мира» (существующее мнение, что США нельзя однозначно относить к нему, не кажется таким уж парадоксальным, если учесть, что из 284 млн населения 56 млн, т. е. примерно 20 %, – это эмигранты первого поколения, представляющие различные цивилизационные регионы).

«Еще более пестрой предстает картина цивилизационной динамики в измерении отношений Восток – Запад» с учетом во многом собирательного характера этих номинаций.

исламского Востока. Однако историческое развитие Востока, основанное на социальном эволюционизме, консерватизме образа жизни и сформированной тысячелетиями способности к абсорбции инокультурных влияний, противится реализации второго проекта. Межкультурная коммуникация внутри Востока может быть композиционной или оппозиционной, даже конфликтной (индуистский и исламский цивилизационные регионы в Индии, ламаистско-тибетский и конфуцианский – в Китае, исламский и христианский – в Индонезии и Филиппинах), но не унифицирующей. Один традиционализм другим сменить невозможно.

Более реален другой проект, в котором внешняя глобалистская альтернатива «Восток – Запад» для самого Востока становится внутренней, подобно тому, как для раннего христианства и зарождающейся христианской цивилизации такой альтернативой стала охарактеризованная Тертуллианом ситуация «между Афинами и Иерусалимом». Но если ранее речь шла о существовании «внутреннего Востока на Западе», то теперь можно говорить о «внутреннем Западе на Востоке» – ассимиляции ценностей западной цивилизации, определяющих индустриализацию хозяйства и соответствующую ей модернизацию общественного сознания. Однако и этот путь не означает утверждения цивилизационного моноцентризма, поскольку процессы индустриализации, модернизации и межкультурной коммуникации в различных регионах Востока идут по-разному и имеют ярко выраженную специфику (японская, индийская, африканская модели).

Не менее остро стоят проблемы единства, приоритетов развития и кросскультурной коммуникации для самой цивилизации Запада, которые восходят к той же глобальной альтернативе «моноцентризм – полицентризм», проявляющейся в различных вариантах:

- периодически обостряющейся оппозиции «Западная Европа – США», регулярно подпитываемой экспансионистскими устремлениями последних;
- оппозиции субцивилизационных блоков «атлантизма» (США, Англия) и «континентализма» (Германия, Франция) с характерными для них исторически сложившимися геополитическими стратегиями;
- оппозиции либеральной и социально ориентированной экономики, теоретическим выражением которых выступают ставшие классическими концепции А. Смита и Ф. Листа;
- оппозиции политического либерализма (редуцированного к либертаризму) и характерного для романо-германского мира умеренного этатизма, которую не сглаживает возникновение надгосударственных структур типа Европейского союза;
- оппозиции тенденций американизации образа жизни и культивирования традиционных ценностей национальной культуры европейских народов, особенно ее языковых форм;
- оппозиции традиционных этнокультурных структур христианской цивилизации и слабо подверженной ассимиляции и социально активной мусульманской диаспоры во Франции, Германии и других западноевропейских странах.

Наконец, небеспроблемными остаются взаимоотношения между западной и восточнославянской цивилизациями, что определяется как веками складывавшимися социально-культурными реалиями, геополитическими интересами и особенностями менталитета составляющих их этносов, так и современными ценностно-нормативными приоритетами этих цивилизационных регионов. Более того, при всем единстве и общности исторической судьбы восточнославянской цивилизации очевидно своеобразие цивилизационной динамики белорусского, русского и украинского народов, игнорирование которого является причиной возникающего временем

взаимонепонимания и, как следствие, недоверия друг к другу. Это различие, учитывая вариативность исторического процесса, вполне естест-

венно, и выступает одним из объективных оснований для формирования идеологии белорусского государства, призванной определить систему ценностей и приоритетов нашего народа в современном мире.

Таким образом, глобализация не сводится только к политико-экономической интеграции, становлению единого техногенного и информационно обеспеченного сообщества. Глобализационные процессы, затрагивая саму суть цивилизационной динамики, определяют характер нового мирового порядка, призванного создать субъектам равные условия для полноценного экономического и духовного развития и избежать любого проявления империализма: экономического, политического, информационного, идеологического. Поэтому актуальным на современном этапе глобализации является достойный выбор из альтернативы «моноцентризм – полицентризм», от которого будут зависеть возможности реального диалога цивилизаций.